

У.И. СЕРЕСОВА*

**ЯЗЫК СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ПРЕДВЫБОРНОЙ РИТОРИКЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ**

Аннотация. В работе анализируются вопросы социальной политики в публичном дискурсе российских политических партий. Отражение социальных проблем в предвыборной риторике партий рассмотрено с точки зрения языка политики. Анализ корпуса текстов, документов и других коммуникативных ресурсов показывает, что с целью обеспечения легитимации власти все российские парламентские партии конструируют несвойственную партиям функцию социальной защиты и благотворительности.

Ключевые слова: политический дискурс; язык политики; политика языка; социальная политика; политические партии; выборы.

U.I. Seresova

Social policy language in rhetoric of Russian political parties before 2016 State Duma's elections

Abstract. The article discusses the role of social issues within the public discourse of Russian parliamentary parties. The reflection of social problems in the pre-election party's rhetoric is analyzed from the positions of the political language. The analysis of texts, documents and other communicative resources demonstrates that all the Russian par-

* **Сересова Ульяна Игоревна**, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ГБОУ ВО МО Академии социального управления (Москва, Россия), e-mail: ulyana_seresova@mail.ru

Seresova Ulyana, Academy of Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: ulyana_seresova@mail.ru

liamentary parties construct the uncharacteristic function of social security and charity with the aim of legitimization of power.

Keywords: political discourse; language of politics; language politics & policy; social policy; political parties; elections.

В 1990-е годы, во время экономического кризиса и политической трансформации, вопросы социальной политики не были в фокусе общественного внимания. В 2000-е годы вектор сменился – государственная власть гораздо больше внимания уделяла социальной политике. В то время как большинство развитых стран мира в разной степени и различными способами сокращали расходы на социальные нужды и свертывали соответствующие программы, в России финансирование социальной сферы заметно увеличивалось, особенно в период экономического кризиса 2008–2009 гг. и после него [см., например: Зубаревич, б.г.]. Социальные проблемы и необходимость их государственного решения стали основой политической риторики первых лиц государства. Так, Президент РФ Д.А. Медведев в Посланиях к Федеральному собранию в 2009–2011 гг. большое внимание уделял вопросам семьи, детей и демографии; программной и часто цитируемой стала предвыборная статья В.В. Путина 2012 г., посвященная основным перспективам в области социальной политики [Путин, 2012].

Во время текущего экономического кризиса начиная с 2014 г. государство сокращает свои социальные обязательства, что приводит к осязаемому снижению уровня и качества жизни населения. Однако вопросы, связанные с социальной политикой, все так же остаются на повестке дня и входят в основу современного политического дискурса. Представляется, что социальная политика может пониматься как «обратная связь», замыкающая функционирование политической системы. Она обеспечивает легитимность власти и «политическую преданность» населения властной элите [Керсберген, 2003]. Таким образом, наличие в политической риторике тем, связанных с решением актуальных социальных проблем, может хорошо «продаваться» и «покупаться» на политическом рынке, особенно в предвыборный период. Иными словами, в период выборов важно не только то, что делают политики для решения социальных проблем, но и то, как о них говорят.

Дискурс социальной политики становится объектом исследования настоящей работы. Задачи исследования – концептуализи-

зация вопросов социальной политики в аналитическом поле языка политики, проблематизация вопроса о субъектности партий в вопросах социальной политики и их функциях, анализ дискурсивных практик российских парламентских партий. Методологически работа базируется на теоретических аспектах политической лингвистики, концепции социального государства и электоральных и партийных исследований. Эмпирическое исследование включает критический анализ дискурса партийных программ парламентских партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР, КПРФ), а также их официальных сайтов, отчетов, материалов партийных СМИ в период перед выборами в Государственную думу 2016 г. Особое внимание уделено особенностям риторических средств дискурса социальной политики.

Социальные проблемы в контексте языка политики

М.В. Гаврилова, анализируя различные подходы к пониманию политического дискурса, выделяет широкую и узкую трактовку этого феномена. В первом случае политический дискурс можно отождествлять с «языком публичной сферы» [Гаврилова, 2004, с. 127]. Иными словами, любая речь, затрагивающая вопросы политики, произнесенная в публично-политическом пространстве, становится политическим дискурсом. Субъектами дискурса в таком случае становятся политики, СМИ и все те, кто задействован в политической коммуникации. Во втором случае М.В. Гаврилова вслед за Т.А. ван Дейком отмечает, что «политический дискурс формируется в контексте функционирования политических институтов» [Гаврилова, 2004, с. 128], т.е. это язык, который используют политические элиты. Обе трактовки – и широкая, и узкая, – фактически отождествляют политический дискурс и язык политики.

Н.М. и Л.М. Мухарямовы в работе, посвященной политической лингвистике как научной дисциплине, ставят вопрос о том, «существуют ли в... языке политики недискурсивные проявления практик» [Мухарямов, Мухарямова, 2002, с. 55]. Иными словами, авторы проблематизируют возможность отождествления понятий «политический дискурс» и «язык политики», полагая, что первое понятие – по смыслу более узкое, чем второе. Язык политики, с их точки зрения, включает кроме политического дискурса также те

элементы, которые «не укладываются в дискурсивные рамки», «не претендуют на выраженную рационализацию, на сложившуюся системную аргументированность и логически аранжированную стройность» [Мухарямов, Мухарямова, 2002, с. 56]. В то же время авторы используют понятие «языковое планирование» в качестве синонима языковой политики, которая вместе с политикой языка должна образовывать предмет политической лингвистики.

Е.Б. Шейгал отождествляет понятия «политический дискурс» и «политическая коммуникация», а «языком политики» называет семиотическое пространство политического дискурса. Рассматривая функции языка политики, автор выделяет среди прочих функции легитимации власти и обеспечения социальной солидарности или дифференциации [Шейгал, 2004].

Р. Водак отмечает, что критический анализ дискурса позволяет изучать «структурные отношения доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженные в языке» [Водак, 2011, с. 286].

К настоящему моменту в российской политической лингвистике как науке изучены различные аспекты политического дискурса – во всех пониманиях этого феномена. Мы выделим ряд публикаций, в которых проанализированы различные концепты политического дискурса, связанные в той или иной степени с социальной и социально-экономической проблематикой. М.В. Гаврилова, изучая программные документы ведущих российских партий и выступления президента России, отмечает что концепт «справедливость» играет важную роль в политическом дискурсе [Гаврилова, 2006]. Она приходит к выводу, что «справедливость» может отождествляться как с равным распределением материальных благ (КПРФ, «Родина»), так и с «равенством возможностей» («Яблоко», ЛДПР, «Единая Россия»). Иными словами, концепт «справедливости» может находиться между двумя полюсами – равенством шансов и равенством результатов. Ю.С. Патисова на материалах посланий Президента РФ Федеральному собранию 1999, 2008 и 2014 гг. анализирует, каким образом формируется позитивный образ российского государства в условиях экономического кризиса и общего снижения уровня социально-экономического благополучия населения [Патисова, 2016]. Автор показывает сдвиг российской политической риторики от признания актуальных социально-экономических проблем (1999) к традиционным ценностям (национальная гордость, суверенитет), которые конструируются как более значимые, чем повседневные проблемы (2014). Е.И. Беглова и

О.Ю. Шмелева, подвергая контент-анализу выступления Президента РФ в период 2012–2015 гг., приходят к выводу о том, что традиционные ценности, а не повышение уровня жизни и решение социальных конфликтов мерами социальной политики, маркируются как инструмент консолидации общества [Беглова, Шмелева, 2015].

Рассматривая социальную политику как одно из направлений внутренней политики (*politics*) и политического управления (*policy*), мы можем обозначить понятийный аппарат, используемый политическими элитами при описании социальных проблем, как специфический дискурс социальной политики. Представляется, что анализ способов наименования властями социальной проблемы не менее важен, чем описание деятельности органов государственной власти в социальной сфере. С позиции теории политического цикла обозначение проблемы и вынесение ее на повестку дня может стать отправной точкой при ее решении [Дуе, 2008]. Политический цикл включает в себя: 1) идентификацию проблемы, 2) вынесение ее на повестку дня, 3) формулирование политических альтернатив, 4) выбор наилучшей и ее легитимацию через превращение в закон, 5) реализацию политики и 6) ее оценку. О.Ю. Малинова отмечает важность публичной артикуляции социальной проблемы первыми лицами государства, это рассматривается как признак того, что «власть признает наличие проблемы и готова ее решать» [Малинова, 2012, с. 182].

Таким образом, суммируя идеи из обозначенных выше исследований, мы можем рассматривать язык социальной политики (дискурс социальной политики) как механизм легитимации политической власти.

Партия как субъект социальной политики: Социальное измерение идеологических текстов

Обычно основным субъектом социальной политики считают государство. Примером такого подхода можно считать определение, данное в начале 1990-х годов: «Социальная политика – это составная часть внутренней политики государства, которая воплощена в его социальных программах и практике и регулирует отношения в обществе в интересах и через интересы основных социальных групп» [Зайнышев, 1994]. В современном исследовании

Т.Ю. Сидорина указывает, что институты гражданского общества, такие как благотворительные организации и бизнес, также могут быть субъектами социальной политики [Сидорина, 2013, с. 205–249]. Партии в отечественной литературе обычно не рассматриваются как отдельный институт, формулирующий и / или реализующий социальную политику. Представляется, что партии все же можно рассматривать как субъект социальной политики, так как: 1) в рамках реализации идеологической функции они могут производить политические идеи о том, как должны решаться социальные проблемы, 2) во время выборов «продавать» эти идеи потребителям (избирателям), 3) в случае прихода к власти они могут реализовывать свои политические проекты, связанные с социальной сферой.

Партии – в зависимости от того, в какой части идеологического спектра они находятся, – могут предлагать различные модели социальной политики. Левые партии выступают за расширение полномочий государства в социальной сфере и увеличение ее финансирования; правые партии – за оптимизацию расходов. Консервативные партии могут легитимировать социальное неравенство; социал-демократические партии – пропагандировать рост социальных расходов; националистические партии – высказываться за социальные блага только для граждан или представителей титульного этноса. Например, Республиканская партия США выступает за традиционные семейные ценности, против абортов и иммиграции, увеличения государственных расходов на здравоохранение [Skocpol, 2012]. Современные правые националистические партии Швеции и Финляндии не затрагивают вопрос о необходимости уменьшения государственных социальных расходов, но пропагандируют идею объединения *welfarestate* и *nationstate* – доступности социальных благ только для граждан: защиты «простых финских семей» от Евросоюза и «обычных шведов» от иммигрантов [Nordensvard, Ketola, 2015]. Европейские партии «зеленых» рассматривают отдельные вопросы социальной политики (например, развитие медицины, строительство домов и дорог) с позиции устойчивого экологического развития [Barry, Doherty, 2002].

Российские политические партии 1990-х годов демонстрировали различия в идеологических программах; можно было найти признаки левой и правой идеологий в программных представлениях о том, как должна быть устроена социальная сфера. В 2000-е годы значение фактора идеологии в российской политике снизилось.

О.А. Толпыгина, рассматривая социально-экономическое измерение в идеологических документах российских парламентских партий в 2007–2011 гг., отмечает, что программные документы, посвященные социально-экономическому развитию России, у всех изучаемых партий схожи. Автор указывает, что риторика в описании социально-экономических процессов у всех партий близка к социалистической идеологии [Толпыгина, 2014]. В основном, это идеи о том, что государство – единственный сильный актор в реализации социально-экономической политики, на него ложится ответственность в повышении уровня жизни населения, создании условий для развития малого и среднего бизнеса.

При анализе идеологической функции партий после 2011 г. О.А. Толпыгина приходит к выводу о том, что из-за особенностей политического режима в России происходит сужение идеологического спектра. Партии в своих документах ориентируются не столько на избирателя как потребителя идеологии, сколько на «статусных акторов» [Толпыгина, 2015, с. 167], в результате идеологические различия стираются еще больше, чем в начале 2000-х годов.

Российские политические партии перед выборами 2016 г.: Благотворительность и легитимность

В документах партии «Единая Россия» уделяется большое внимание вопросам социальной политики. Это как программные заявления, так и партийные проекты, отчеты о реализации отдельных направлений социальной политики на федеральном и региональном уровнях. В основном используется риторика социал-демократического социального государства. Отличительные черты социальной политики это: 1) сращение функций партии и государства; 2) подчеркнутый рост статистических показателей, который должен демонстрировать эффективность государственной социальной политики.

Анализ риторических средств, применяемых в предвыборной программе партии 2016 г., показывает обильное использование количественных аргументов. В программе 2016 г. [Успех каждого...] в разделе «Социальная политика: вложения в каждого человека – основа общего будущего» рассматриваются вопросы, связанные с социальной защитой, уровнем жизни, заработной

платой и пенсиями, помощью пожилым, инвалидам и детям; т.е. понятие «социальная политика» рассматривается в узком смысле этого слова и приравнивается к государственным мерам по борьбе с бедностью. Единожды упоминается рост бедности в 2014–2015 гг. в связи с экономическим кризисом – на фоне обещаний постоянно увеличивать зарплаты и пенсии и констатации того, что по сравнению с 2000 г. доходы граждан увеличились в среднем в три раза. Например, приводятся следующие статистические данные: «Средний размер пенсии по старости в 2000 году был 894 рубля, а сейчас – 13 200 рублей» [Успех каждого... с. 39]. Также указывается, что в стране зафиксирован демографический рост: «население страны выросло со 142,7 млн до 143,6 млн человек», «в два раза увеличилось число семей, имеющих двух и более детей» [там же, с. 43]. Это происходит благодаря «реализованной при непосредственном участии «Единой России» демографической программе» Правительства РФ. Упоминается и программа «материнского капитала», по которой сертификаты получили «6,7 млн семей», и то, что в России получают выплату по уходу за ребенком до трех лет «почти 319 000 человек». При этом не указывается, что размер этой выплаты в соответствии с Указом Президента РФ «О размере компенсационных выплат отдельным категориям граждан» от 30.05.1994 г. № 1110 составляет 50 руб. Материнский капитал и пособия на детей маркируются как политические проекты «Единой России», способствующие увеличению рождаемости, что подтверждается вниманием в тексте к цифровым деталям.

В Резолюции форума «Эффективная социальная политика: новые решения» от 25 марта 2016 г. указывается, что программные цели партии 2011 г. и «все социальные обязательства государства сохраняются и выполняются», а «основные социальные показатели в 2015 году по сравнению с 2011 годом улучшились» [Резолюция... 2016]. Используются количественные аргументы – дескриптивная статистика, которая призвана продемонстрировать повышение уровня жизни населения в период с 2011 по 2015 г. Например, «если в 2011 году доля расходов бюджетов всех уровней на социальную политику составляла 32,6% от всех расходов, то в 2015 году эта доля увеличилась до 36,1%»; «среднедушевые денежные доходы населения, среднемесячная заработная плата и средний размер назначенных пенсий выросли в 1,45–1,46 раза»; «существенно улучшилось соотношение между уровнем оплаты

труда в отраслях социальной сферы и уровнем оплаты труда в экономике в целом – в образовании с 67% в 2011 году до 79% в 2015 году, в здравоохранении – с 78% до 86%, в культуре и искусстве – с 68% до 87%, в социальном обслуживании – с 55% до 67%».

Используется речевая тактика сокрытия недостатков [Семкин, 2015, с. 75]: в документе не упоминается экономический кризис 2014–2016 гг. и его негативное влияние на уровень и качество жизни населения. В заключение делается вывод: «Основной итог социальной политики, которую Партия “Единая Россия” проводила в качестве правящей партии, состоит в том, что большинство граждан нашей страны увеличили свое благосостояние» [Резолюция... 2016].

Таким образом, партия в программных документах с помощью количественных аргументов формирует дискурс эффективной государственной социальной политики, основным субъектом которой должна считаться «Единая Россия». Основные приемы используемых количественных аргументов – это обильное употребление цифровых деталей и средних значений, стирающих различия между максимумом и минимумом.

Кроме Программы, у «Единой России» есть еще и партийные проекты, часть которых посвящена вопросам социальной сферы [Партийные проекты...]. Так, паспорт проекта «Крепкая семья» содержит описание направлений деятельности по социальной защите детей, которые предлагает партия и которые совпадают с направлениями деятельности региональных министерств образования и социальной защиты населения, комиссий по делам несовершеннолетних. К таковым относятся «построение системы профилактической, коррекционной и координационной работы в области предупреждения развития социальных отклонений личности и семейного неблагополучия», «повышение профессионализма работников социальной сферы в области профилактики развития социальных отклонений семьи и детей», «формирование банка данных семей и детей группы риска, проведение их диагностического обследования и индивидуальной коррекционно-реабилитационной работы с ними» [Крепкая семья...]. Отчеты о реализации проекта «Крепкая семья» также по своему содержанию дублируют функции государственных органов власти. Например, рассказ о деятельности Комиссии по делам несовершеннолетних одного из муниципальных образований Челябинской области содержит информацию о том, что де-

тям из семей, находящихся в социально опасном положении, партия «Единая Россия» подарила набор школьных принадлежностей к началу учебного года [Совместные рейды...]. В тексте конструируется не свойственная партии функция благотворительности и социальной защиты населения. Могут использоваться аргументы к «общим местам», например, «крепкая и дружная семья – это не простые слова, это основа благополучия нашего общества, основа нашей государственной политики» [Единая Россия наградила...]. В этих текстах используется не столько идеологический язык, сколько дискурс профессиональных социальных работников, который переносится в политическое поле.

В программе КПРФ они ассоциируются с советским прошлым. Раздела про социальную политику в программе нет, но есть тезисы, отражающие ее содержание – требования «восстановить льготы для многодетных семей, воссоздать сеть общедоступных детских садов, обеспечить жильем молодые семьи», «обеспечить общедоступность и высокое качество здравоохранения» и т.п. [Программа партии]. Если все эти же меры в программных документах «Единой России» рассматриваются как существующие и эффективные и успехи в них приписываются партии, то в программе КПРФ отрицается то, что социальная политика в этих направлениях проводится в настоящее время, в то время как в советском прошлом она была.

Отдельные вопросы социальной политики рассмотрены в отчетах заседаний Секретариата ЦК КПРФ. В документах используются речевые тактики критики и обвинения [Семкин, 2015, с. 75] действующей власти [Медицина...]. Для усиления эмоционального эффекта в тексте используется риторическое восклицание: «Корень зла – капитализм!», «Восстановить государственную медицину!». Здесь так же, как в документах «Единой России», применяются квантитативные аргументы – но уже с целью доказать неэффективность государственной социальной политики: приводится статистика закрытия медицинских учреждений в России: «За последние два года было закрыто 300 стационаров и поликлиник, сокращено более 100 тысяч коек». Приводится пример того, что «на содержание страховщиков из системы обязательного медицинского страхования за последние два года было потрачено 53 миллиарда рублей» [Медицина...]. Предполагается, что эта сумма избыточна и должна доказывать необходимость ухода от

страховой модели организации медицинской помощи к бюджетной модели. Обозначается необходимость полного государственного финансирования социальной сферы.

Также можно найти упоминания того, что партия организует детские праздники, конкурсы, посещает детские дома и дарит подарки [Коммунисты и комсомольцы...; Орловская область...].

Программа партии «Справедливая Россия» всесторонне рассматривает проблемы социальной политики. Раздел программы, посвященный социальным вопросам, обозначен категорией «Социальная безопасность», а не традиционными категориями «социальная политика» или «социальное развитие» [Программа партии «Справедливая Россия», с. 8–46]. В раздел включены идеи относительно социальных проектов в области культуры, образования, занятости, пенсионной системы, семейной и молодежной политики. Используется риторика, близкая к социалистической идеологии, – отказ от накопительной пенсионной системы, государственное финансирование образования и медицины (отказ от ОМС), квотирование рабочих мест для выпускников средних специальных и высших учебных заведений и т.п. В документе практически не используются статистические данные, которые могли бы позволить сравнить текущее положение с обещаемым. Квантитативные аргументы представлены в небольшом количестве, например «увеличить расходы на образование и науку до 7% от ВВП» [Программа партии «Справедливая Россия», с. 14]. Используются также аргументы к общим местам: «Сегодня пенсия является не больше чем скромным пособием по старости» [Программа партии «Справедливая Россия», с. 20]. В текст с целью усиления критики осуществляющейся государственной социальной политики введены риторические восклицания: «Очевидно, что накопительная система пенсионного обеспечения не работает! При новых вызовах для экономики и расходах бюджета все это грозит крахом пенсионной системы!» [Программа партии «Справедливая Россия», с. 20]. Протестно настроенный электорат, который не устраивает социально-экономическая ситуация в стране, может стать адресатом текста с такими риторическими средствами.

Отчеты о работе региональных отделений содержат информацию о партии, где наряду с партийной работой (проведение съездов партии, митингов, подготовка к выборам в Государственную думу), упоминается и «социальная работа» – организации

концертов и спортивных соревнований для детей, пожилых и т.п. [Орловские...].

В партийной программе ЛДПР нет открытой критики осуществляемого курса в области социальной политики. Раздел по социальной политике включает в себя лозунги, связанные с пенсиями, бесплатным здравоохранением, социальным жильем, увеличением заработной платы бюджетникам, экологией [Социальная политика...]. В тексте много аргументов к общим местам – «расширение среднего класса», «достойно жить», «высокие зарплаты и пенсии», «рост качества жизни», «поддержка бедных» и т.п. Задается риторический вопрос: «Если у большинства честных тружеников нет достойных заработков, то откуда страна возьмет резервы для увеличения доходов бюджета?» Используется риторическое восклицание: «Достаток всем!». В программе нет статистических выкладок, и, как следствие, количественных аргументов, что существенно отличает ее от программ других партий. Вместо них текст изобилует риторическими фигурами; активно используется такой стилистический (синтаксический) прием, как дисфемизация: «грабительская приватизация», «кошунственная пропаганда» – употребление лексем с ярко выраженным негативным оттенком [Семкин, 2015, с. 26].

Партия так же конструирует свой образ как «партии добрых дел» – помогает социально уязвимым категориям населения, о чем информирует на своем сайте. Например, обустроивает столы во дворе в г. Армянск в Крыму: «...Для многих одиноких пенсионеров вечерняя прогулка по улице вообще чуть ли не единственная возможность для общения с окружающими... Завсегдатаи наших дворов по достоинству оценят наши старания и на установленных скамейках будут оживленно обсуждать добрые дела ЛДПР» [ЛДПР в Крыму...]. В тексте формируется дискурс заботы о «малых мамочках с детьми», «бабушках» и «дедушках» – для экспрессивной окраски текста используются уменьшительно-ласкательные суффиксы, в то время как профессиональный дискурс предполагает использование лексем «родители с детьми» и «граждане пожилого возраста».

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Категория «социальная политика» в документах политических партий становится денотативно свободной лексемой с нечетким размытым значением [Шейгал, 2004]. Под социальной политикой могут пониматься как только государственные гарантии социально уязвимым категориям населения, так и широкие меры по управлению социальной сферой и экологией в целом. Также важен эмоциональный компонент лексемы: «социальная политика» может подразумевать «помощь», «заботу», «безопасность», «поддержку» (лишь в некоторых случаях – эмоционально нейтральные «социальные инвестиции»).

Все парламентские партии, когда речь заходит о социальной политике, используют в своих документах социалистическую риторику. Она проявляется в обещании повышения социальных гарантий, увеличения расходов на социальную сферу из бюджета. Характерные риторические средства – это использование количественных аргументов и аргументов к общим местам; риторических вопросов и восклицаний; тактик критики, обвинения и сокрытия недостатков.

Также все партии артикулируют несвойственную партиям функцию социальной защиты и благотворительности, информируя, как члены партии помогают социально уязвимым категориям населения. Партия «Единая Россия» рассказывает о деятельности государственных и муниципальных органов власти в области социальной политики и обозначает их ежедневные функции как деятельность партии. Партии «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР, не обладая таким административным ресурсом, информируют о спорадических благотворительных мероприятиях, направленных на помощь населению. Тексты этих трех партий в большей степени, чем документы «Единой России», ориентированы в сторону левого края идеологического спектра, а также содержат критику реализуемой государством социальной политики: например, если у «Единой России» нет упоминаний сокращений в сфере образования и медицины, то у остальных партий этому уделено внимание. Выявленный дискурс благотворительности представляется значимым в период предвыборной борьбы, он связан с легитимацией власти всех упомянутых партий.

Список литературы

- Беглова Е.И., Шмелева О.Ю.* «Языковой код» политической коммуникации (на материале выступления Президента России В.В. Путина, 2012–2015 гг.) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2015. – № 3 (53). – С. 12–16.
- Водак Р.* Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 286–291.
- Гаврилова М.В.* Концепт «справедливость» в новейшем русском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – № 1 (17). – С. 77–87.
- Гаврилова М.В.* Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис: Политические исследования. – М., 2004. – № 3. – С. 127–139.
- Единая Россия наградила семьи Приамурья // Единая Россия. Крепкая семья. – Режим доступа: <http://ks-er.ru/edinaya-rossiya-nagrada-la-luchshie-semi-priamurya/> (Дата посещения: 14.02.2017).
- Зайнишев И.Г.* Взаимосвязь социальной политики и социальной работы. Защитить человека. – М.: Союз, 1994. – 199 с.
- Зубаревич Н.В.* Мониторинг кризиса и посткризисного развития регионов России // Социальный атлас российских регионов. – Режим доступа: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml (Дата посещения: 14.02.2017).
- Коммунисты и комсомольцы Иванова побывали в гостях в детском доме «Родничок» // Коммунистическая партия Российской Федерации [сайт]. – 2016. – 7 июня. – Режим доступа: <https://kprf.ru/activity/children/155961.html> (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Крепкая семья – крепкая Россия // Официальный сайт проекта партии «Единая Россия» Крепкая семья – крепкая Россия. – Режим доступа: <http://ks-er.ru/o-proekte/celi-i-zadachi/> (Дата посещения: 14.02.2017.)
- ЛДПР в Крыму помогает в благоустройстве дворов // ЛДПР: Либерально-демократическая партия России. – 2016. – 16 июня. – Режим доступа: http://ldpr.ru/ldpr_talks/liberal_democratic_party_in_action/Liberal_Democratic_Party_in_Crimea_assists_in_the_improvement_of_courtyards (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Малинова О.Ю.* Политика как производство смыслов // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О.Ю. Малинова. – М.: РАН. ИНИОН, 2012. – Вып. 1.: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 182–201.
- Медицину – на службу народу // Коммунистическая партия Российской Федерации [сайт]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/155950.html> (Дата посещения: 14.02.2017).
- Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М.* Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука. – М., 2002. – № 3. – С. 45–67.
- Орловская область. Подарим детям радость! // Коммунистическая партия Российской Федерации [сайт]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/activity/children/156807.html> (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Орловские справедливороссы поддержали друзей на соревнованиях по дзюдо // Официальный сайт регионального отделения партии «Справедливая Россия» в Орловской области. – 2016. – 07 июня. – Режим доступа: <http://oryol.spravedlivo.ru/005138097.html> (Дата посещения: 14.02.2017.)

- Партийные проекты // Официальный сайт партии «Единая Россия». – Режим доступа: <http://er.ru/party/projects/> (Дата посещения: 14.02.2017).
- Патисова Ю.С. Образ России и финансовый кризис // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2016. – № 1 (55). – С. 121–125.
- Программа партии // Коммунистическая партия Российской Федерации [сайт]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party/program> (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Программа партии «Справедливая Россия» // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». – Режим доступа: http://www.spravedlivo.ru/5_76349.html (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – М., 2012. – 13 февраля. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793> (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Резолюция форума «Эффективная социальная политика: новые решения» от 25 марта 2016 г // Официальный сайт партии «Единая Россия». – 2016. – Режим доступа: <http://er.ru/news/140746/> (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Семкин М.А. Актуальные термины политической лингвистики: Словарь современных медиа. – М.: Форум: ИНФРА-М, 2015. – 112 с.
- Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния: От утопии к кризису. – М.: РГТУ, 2013. – 349 с.
- Совместные рейды комиссий ПДН и подарки детям // Единая Россия. Крепкая семья. – Режим доступа: <http://ks-er.ru/tehnologii-i-opyt/profilaktika-i-preodolenie-socialnogo-sirotstva/chelyabinskaya-oblast-sovmestnye-rejdy-komissii-pdn-i-podarki-detyam> (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Социальная политика // ЛДПР: Либерально-демократическая партия России. – Режим доступа: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/social_policy_2015/ (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Толыгина О.А. Идеино-политические контуры партийного ландшафта современной России / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – 174 с.
- Толыгина О.А. Трансформация идеологической функции политических партий в современной России // Политическая наука. – М., 2015. – № 1. – С. 157–171.
- Успех каждого – успех России! Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва. – Режим доступа: http://er.ru/party/program/userdata/files/2016/07/28/predvybornaya-programma_2.pdf (Дата посещения: 14.02.2017.)
- Шейгал Е.Б. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
- Barry J., Doherty B. The greens and social policy: Movements, politics and practice? // Social policy and administration. – L., 2002. – Vol. 35, N 5. – P. 587–607.
- Dye Th.R. Understanding public policy. – 11 th ed. – Upper Saddle River, NJ: Pearson, 2008. – 356 p.
- Kersbergen K. Welfare state reform and political allegiance // The European legacy: Toward new paradigms. – L., 2003. – N 8 (5). – P. 559–571.
- Nordensvard J., Ketola M. Nationalist reframing of the Finnish and Swedish welfare states – the nexus of nationalism and social policy in far-right populist parties // Social policy and administration. – L., 2015. – Vol. 49, N 3. – P. 356–375.
- Skockpol T., Williamson V. The Tea party and the remaking of republican conservatism. – N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – 264 p.